

В Москву

РУССКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Доклад на семинаре, Париж, 17 июня 1994

Сенсационные призывы Жириновского к новому переделу мира между великими державами или блоками держав, а может быть и к третьей мировой войне пока, кажется, не воспринимаются всерьез. Между тем за ними нельзя не видеть нащупывания идеологии реванша недавнего советского и давнего российского империализма. Жириновский экстравагантен, но в своих геополитических воззрениях не нов и не одинок. На российской политической сцене и за ее кулисами есть немало деятелей, которые пытаются оседлать идеи, глубоко укоренившиеся в российском имперском сознании, мучимом давним комплексом неполноценности.

Россия в клубе европейского империализма.

Россия стала великой державой 19 и 20 вв. как европейская страна, как член европейского клуба хозяев мира, как один из главных участников его раздела.

Выгодное геополитическое положение рядом со слабозаселенными просторами Северной Азии сильно способствовало овладению огромными территориями и превращению России в одно из крупнейших государств мира. Но одного лишь геополитического положения для этого было бы недостаточно. Примерно таким же оно было и у Китая, располагавшего к тому же намного большими людскими ресурсами. Немалые притязания на североазиатские просторы могла иметь и недавно еще могущественная Османская империя.

Однако в силу глубокого архаизма, экономической и социальной отсталости китайского или турецкого обществ, их малого динамизма, они в ту пору сами не были способны к территориальной экспансии и не могли противостоять экспансионистскому напору, исходившему из Москвы - нового геополитического полюса, постепенно определившегося в северо-восточной Европе через одно-два столетия после падения Константинополя.

Миссия "Третьего Рима" не была выдумана. Она действительно стала предназначением России, силой исторических и географических обстоятельств призванной решать задачу освоения новой геополитической ниши. Именно потому мистическая догадка Филофея¹ очень скоро перевоплотилась в идеологию практической политики, которая во многом предопределила динамизм - пусть и односторонний - российского общества 17-19 вв., в частности же заставило его пойти на выучку к Европе.

Благодаря петровским и последующим реформам, Россия хотя и не догнала Европу, но во многом уже отошла от средневековой архаики, в немалой степени европеизировалась, модернизировалась, потому и была не чета ни Китаю, ни Турции, ни Персии. Можно сказать, что превращение России в великую державу было результатом ее геополитического положения, помноженного на (неполную) европеизацию.

До Англии или Франции России было все-таки далеко. По большому счету, она оставалась страной полувосточной, экономически и социально отсталой, не могла тягаться с европейскими державами. Ее

1. См.: Флоровский Г. Пути русского богословия, Париж, 1937, с. 11.

продвижение на западных и южных границах, где оно затрагивало интересы этих держав, как правило, блокировалось. На востоке же Россия не встречала сопротивления и там сама выступала как европейская колониальная держава.

На востоке - одни успехи, но вошедшая во вкус имперская Россия уже не удовлетворена ими, осознает свою второсортность как колониальной державы, скудость полученного ею куска. Истинная цена нефтяных и прочих кладовых Сибири или Казахстана стала ясна намного позднее, по меркам 19 в. российские территориальные приобретения не шли ни в какое сравнение с роскошными американскими, азиатскими или африканскими приобретениями европейских держав. Отсюда и комплекс неполноценности русского колониализма, усвоенная им фальшивая поза униженного и оскрбленного, нагло ернический тон его идеологов.

Данилевский: "Какую же роль предоставляет нам Европа на всемирно-историческом театре? Быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Востоке... Но позвольте, ... какой же это Восток? Мы было и думали начать с Турции... Куда? Не в свое дело не соваться! кричит Европа... Принялись мы также за Кавказ - тоже ведь Восток. Очень маменька гневаться изволили: не трогайте, кричала, рыцарей, паладинов свободы... ну да на этот раз, слава Богу, не послушали, забыли свое европейское призвание... Ну так в Персии нельзя ли позаняться разбрасыванием семян цивилизации и европеизма? Немцы, пожалуй, и позволили бы... - из уважения к англичанам нельзя... В Китай что ли прикажете? Ни-ни, вовсе незачем туда забираться... Да где же, Господи, наш-то Восток, который нам на роду написано цивилизовать? Средняя Азия, вот ваше место; всяк сверчок знай свой шесток... Там и есть ваша историческая миссия - вот что говорит Европа, а за нею и наши европейцы... Нечего сказать, завидная роль, стоило из-за этого жить, царство строить, государственную тяготу нести, выносить крепостную долю, петровскую реформу, бироновщину и прочие эксперименты..."².

Цена империи.

В России были слышны, конечно, и другие голоса. Общество со все большим трудом несло тяжелую ношу имперской государственности. Многочисленные войны, постоянная территориальная экспансия, освоение захваченных земель, поглощали огромные силы и средства. Обширность пространств все менее соответствовала демографическому потенциалу страны. Уже в 18 в., по словам Милюкова, "истоцился... колонизационный материал - малорусский и великорусский... Запаса вольных колонистов более не хватало"³ для такого быстрого заселения юга и Поволжья, какого хотело правительство, и поэтому "оно обратилось к заграничному переселенческому материалу"⁴ - южным славянам с Балкан, грекам и армянам из Крыма, немцам, а также

2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871, с. 62-63.

3. Милюков П.. Очерки по истории русской культуры. Часть 1, Население, экономический, государственный и сословный строй. 7-е издание. М., Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918, с. 63.

4. Там же.

раскольникам и беглым крепостным. А предстояло еще осваивать Сибирь.

Евразийцы впоследствии писали о "двух колонизационных волнах, идущих одна на Восток, а другая на Запад [от линии Неман-Западный Буг-Сан-устье Дуная.] и сталкивающихся на берегах Берингова моря"⁵. Обе волны были, но далеко не одинаковые. На всем огромном российском пространстве к востоку от Урала и сейчас живет немногим более 30 млн. человек, включая автохтонное население. Западная же волна создала население США и Канады, Австралии и Новой Зеландии, в полном смысле слова изменила лицо мира.

Слабозаселенные восточные окраины так удалились от центра, что управление ими - при средствах транспорта и связи 19 в. - становилось все более затруднительным. "Отдача" же империи в экономическом смысле была намного ниже, чем колоний западноевропейских держав.

Бердяев: "Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств... Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения своего государства русский народ истощал свои силы"⁶. "Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры"⁷.

Нельзя сказать, что антиимперские настроения были так уж сильны в России, но все же они существовали, приводились и доводы, которые сегодня звучат, по словам Солженицына, "с тысячекратным смыслом: нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Нет у нас сил на Империю!"

Тем не менее проимперская настроенность русского общества сохранялась, а трудности, с которыми все чаще сталкивалась Россия на имперском пути, лишь усиливали комплекс неполноценности его апологетов.

Россия и Европа

Неприменный спутник "комплекса неполноценности" - повышенная агрессивность, никак не соответствующая экономическим и военным возможностям Российской империи, нарастание враждебности по отношению к европейским конкурентам.

Издавна отношения России с Европой - сложная смесь любви и ненависти.

С одной стороны, любовь. Мы - ученики Европы, многое в ней ценим, многое заимствуем.

5. Евразийство. Опыт систематического изложения. В кн.: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 377.

6. Бердяев Н. О власти пространства над русской душой. - В кн: Н. Бердяев. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918, с. 62.

7. Бердяев Н. Цит. соч., с. 64.

Достоевский: "От Европы нам никак нельзя отказаться, Европа нам второе отечество... Европа... нам почти так же всем дорога, как Россия"⁸.

С другой же стороны:

Данилевский: "Нам необходимо... отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами"⁹.

Н. Трубецкой: "Мы должны привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой - наш злейший враг"¹⁰.

От Европы нам и впрямь никак нельзя отказаться. Мы чтим англичан, немцев или французов как народы "исторические", потому что и сами принадлежим к таковым. А есть такие, которые не принадлежат, а "предназначены к тому, чтобы сливаться постепенно и нечувствительно с тою историческою народностью, среди которой они рассеяны, ассимилироваться ею и служить к увеличению разнообразия ее исторических проявлений"¹¹. Отсюда наша общность с Европой. И Европа признает эту общность, видит в России партнера, пусть и неравного, но серьезного, с которым считается и на которого иной раз делает ставку.

С другой стороны - ненависть, тоже во многом взаимная, ибо все-таки речь идет о партнерах по дележу, причем о партнерах не вполне равных. Европа малость побаивается "русского медведя" и в случае чего сплачивается, чтобы воспрепятствовать его чрезмерной геополитической активности на западных или южных границах. Но в целом ее крупные геополитические интересы в 18-19 вв. сосредоточены не столько на востоке, сколько на западе и юге, ее вполне устраивает занятость России своими восточными делами. К тому же Европа на едина, и разные европейские геополитические силы не прочь привлечь Россию на свою сторону.

Россия же, не желая мириться со своим не вполне равноправным положением, ищет способов повысить свой европейский статус, потеснив своих партнеров и недавних учителей. На этот предмет выработаны специальные проекты, например, проект Славянской конфедерации.

Данилевский: "Положение славян лицом к лицу с враждебным из Западом есть та причина, которая заставляет желать для них весьма тесной федеративной связи под политическим водительством и гегемониею России, на что Россия имеет законнейшие права"¹².

Но потеснив европейских недругов, надо тут же возобновить дружбу с ними, восстановить союз на более выгодных условиях.

Данилевский: "Всеславянский союз имел бы своим результатом не всемирное владычество, а равный и справедливый раздел власти и влияния между теми народами или группами народов, которые в настоящем периоде всемирной истории могут считаться активными ее деятелями: Европою, славянством и Америкою... Сообразно их положению и общему направлению, принятому их расселением и распространением их владычества, - власти или влиянию Европы подлежали бы преимущественно Африка,

8. Достоевский .Ф.М. Полн. собр. соч. М., 1983, т. 25, с. 23.

9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа..., с. 475.

10. Трубецкой Н.С. Русская проблема. Евразийская хроника, вып. 2. Прага, 1925, с. 313-314.

11. Данилевский Н.Я. Россия и Европа..., с. 24.

Австралия и южные полуострова Азиатского материка; Американским штатам - Америка; славянству - западная, средняя и восточная Азия, т.е. весь этот материк за исключением Аравии и обоих индийских полуостровов"¹³.

Обозначив цели российской внешней, "европейско-мировой" политики, Данилевский формулирует и ее главный принцип.

Данилевский: "Равновесие политических сил Европы вредно, даже губительно для России, а нарушение его с чьей бы то ни было стороны - выгодно и благодетельно"¹⁴. "Нам необходимо, следовательно, ...приобрести совершенную свободу действия, полную возможность соединяться с каждым европейским государством, под единственным условием, чтобы такой союз был нам выгоден, ни мало не взирая на то, какой политический принцип представляет в данное время то или другое государство"¹⁵.

СССР и Запад: в прежних традициях.

Превращение Российской империи в СССР поначалу не внесло принципиальных изменений в геостратегическую логику сменившего российский советского империализма. СССР унаследовал великодержавное положение России и ее двусмысленные отношения с Западом. Правда, в новых условиях понадобилась и новая мифология: "Запад" превратился в мир капитализма, а панславянская солидарность - в интернационально-пролетарскую. Но суть дела не изменилась, что быстро подметили евразийцы, пронизательные во всем, что касалось обнаружения в действиях большевиков своих излюбленных имперских идей.

Евразийцы: "Они [большевики] ведут борьбу с "капитализмом". Но "капитализм", поскольку он мыслится конкретно, и есть синоним современной Европы. Борьба с ним есть борьба с "европеизмом" в Европе и в Евразии... Большевики выступают против "капитализма", т.е. против европейского капитализма, а потому и против европейского социализма... Сами не зная того, большевики бьются над конкретизацией религиозно-этических основ русской государственности"¹⁶.

На деле "борьба с капитализмом (европеизмом)" между двумя мировыми войнами приобрела обычный для российской имперской традиции характер внутриевропейских интриг. Дореволюционная Россия была могущественной военной державой, ее мощь опиралась на огромные, по европейским меркам, людские и территориальные ресурсы. Тем не менее, все основные военные победы послепетровской России были одержаны в прямом союзе с какими-либо европейскими государствами или, по крайней мере, при их косвенном участии или поддержке. (Войны с Турцией, с Наполеоном, Вторая мировая война). Не имея такой поддержки, она, как правило, терпела поражение (Крымская война, война с Японией).

Естественно, что России всегда приходилось решать вопрос о наиболее подходящих европейских союзниках. Рисунок европейских

12. Там же, с. 410.

13. Там же, с. 451.

14. Там же, с. 472.

15. Там же, с. 475.

16. Евразийство..., с. 402-403

военно-дипломатических союзов и противостояний постоянно менялся, но сквозь эту сложную и подвижную мозаику просматриваются некоторые закономерности, помогающие понять устойчивую противоречивость российских внешнеполитических предпочтений на европейском театре.

В силу многих исторических причин существовало глубокое родство российского и германского государственно-общественных организмов, которое заставляло их искать сближения, порождало взаимные симпатии имперских идеологов и политиков.

Данилевский: "Франция... есть истинный, так сказать, нормальный представитель Европы, главный практический проявитель европейских идей с самого начала европейской истории и до сегодняшнего дня... [Франция] становится главным врагом славянства... В теперешнем положении дел Россия не может иметь другого союзника, как Пруссия, так же точно, как и Пруссия другого союзника как Россия; и союз их может быть союзом благословенным, потому что у обеих цель права"¹⁷.

Можно сказать, что речь шла об *историческом* споре, в котором холистские общества Германии и России были на одной стороне, а индивидуалистские западноевропейские - с другой. Но был еще внутриевропейский *географический* спор, в рамках которого близкое соседство России и Германии еще со времен Ледового побоища делало их скорее противниками, нежели союзниками.

Они могли объединиться для того, чтобы расчленив Польшу, разделить сферы влияния в промежуточной геополитической зоне между Балтийским и Черным морями, но после этого единство их интересов кончалось, и они становились смертельными врагами. Их противостояние в обеих мировых войнах не случайно.

В этом смысле пронемецкая ориентация Данилевского была утопичной, и столь же утопичной была прорусская ориентация немецких геополитиков, весьма сильная, в частности, после Первой мировой войны.

Хаусхофер: "Наши союзники в этом - враги наших врагов; мы найдем их не в последнюю очередь на Дальнем Востоке, в подъеме паназиатского движения, а также в Японии...; полезно и продуманное сотрудничество с имеющим свои нужды в земельном пространстве русским народом, каким бы ни был политический режим, советский, или иной."¹⁸

Расцветшие в послеверсальской Германии мстительные мечты о "германо-славянском большом пространстве" "от Флессинга (Flessingue) до Владивостока" (Э. Никиш), об оси "Германия-Россия-Япония" (Хаусхофер) и т. п. не реализовались и не могли реализоваться и свидетельствуют лишь о вероломстве их авторов либо об их наивности. История пакта Молотова-Риббентропа, короткого советско-германского медового месяца и все последующие события вплоть до 9 мая 1945 г. хорошо известны и лишь подтверждают сказанное.

17. Данилевский Н.Я. Россия и Европа..., с. 482-484.

18. К. Haushofer. Les bases géographiques de la politique étrangère (1927). K. Haushofer. De la géopolitique. Fayard, 1986, p. 208-209.

СССР и Запад: глобальное противостояние.

СССР понес самые большие жертвы во Второй мировой войне, и если считать, что его вклад в победу над державами оси был пропорционален жертвам, то следует признать непобедимой и его военную мощь. Примерно такой была, по-видимому, логика послевоенного советского руководства, которое решило, что СССР может теперь обойтись без западных союзников, выступить как неевропейская, "незападная" держава и реализовать иную модель глобальной стратегии: не раздел мира между "западными" странами, а борьба за мировое господство с опорой на "незападный" мир.

Нельзя сказать, чтобы это была очень новая идея. Она содержалась уже в большевистской теории мировой революции, в "утверждениях евразийцев", была нечужда и ненавистному и тем и другим "Западу".

Хаусхофер: "Мы не одни в наших усилиях добиться права самим распоряжаться собой, свободы распоряжаться своим жизненным пространством по своим собственным законам и, по крайней мере, свободно перемещаться в пространствах земли, не используемых и богатых резервами; три пятых человечества стремятся к этой же цели. Усилия долговременной внешней политики должны быть направлены на совместные с ними поиски путей, которые ведут к свободе"¹⁹.

Он же, впрочем, высказывался и более откровенно:

Хаусхофер (1940): "Мы сможем получить наши колонии только в жестокой борьбе, только оказывая сильное давление; мы сможем их вернуть только сойдясь лицом к лицу с некоей колониальной державой, и только в этом случае... мы сможем восстановить наше участие в африканском сотрудничестве, каким его видел Фюрер... Оно невозможно без мощной поддержки, с помощью которой мы обеспечили наше европейское жизненное пространство на востоке и которая заставит западные державы уступить... Германия и Россия решили не повторять более ошибки, совершенной однажды и принесшей огромный вред обоим. Именно к этому сводится решающий геополитический поворот 1939 года"²⁰.

Казалось бы, Советский Союз преуспел намного больше Германии. После Второй мировой войны он создал мощный антизападный фронт, противостоявший "атлантизму", который к этому времени полностью заместил "европеизм". Но, в конечном счете, его стратегия оказалась ошибочной. Он явно переоценил свои силы и надорвался.

Претсоветская Россия: новая геополитическая развилка.

Распад советской империи, а вместе с тем и СССР, конец холодной войны создали новую обстановку для России и для всего мира, возникла историческая развилка, появились разные варианты развития геополитической ситуации. Что станет с "Большим пространством" бывшего СССР, как будут складываться отношения России с внешним миром?

19. Ibid., p. 208.

20. К. Haushofer. Le Bloc continental. Europe central-Eurasie-Japon (1940). К. Haushofer. De la geopolitique. Fayard, 1986, p. 135-136.

Можно представить себе три варианта развития ситуации, три пути: **проатлантический (евроатлантический), прежний антиатлантический и новый антиатлантический.**

На первый из них интуитивно вступили инициаторы "перестройки", провозгласившие эру "нового мышления", "общеевропейского дома" и пр. Неконфронтационный проатлантический путь казался естественной альтернативой прежней глобальной конфронтации с Западом, разорившей страну и угрожавшей миру глобальной ядерной катастрофой.

Нет сомнения, что евроатлантическое сотрудничество с участием России может быть очень полезно с точки зрения ответа на экономические, социальные, культурные, экологические, демографические вызовы, с которыми сталкиваются Запад и Россия в конце 20 в. Даже просто отказ от гонки вооружений увеличивает совокупные ресурсы, которые можно направить на экономическое развитие или защиту окружающей среды.

Однако с *геополитическими* вызовами дело обстоит не так просто. Становясь на евроатлантический путь, Россия замыкает "северное кольцо" планеты. Она становится частью "Севера" ("возвращается в Европу?"), и при этом в каком-то смысле воспроизводится прежняя "европоцентристкая" ("североцентристская") структура мира. Не усилит ли это конфронтацию "Север"-Юг" при явном преимуществе "Севера"? И в то же время не возобновится ли внутри "Севера" прежняя борьба за сферы влияния, которая уже дважды привела к мировым войнам?

Два взгляда на новую ситуацию:

1. "Юг" уже не представляет собой прежней легкой добычи, напротив, его мощь растет и он начинает угрожать Северу. Поэтому речь идет не о новом переделе Юга, а о совместной защите от общей угрозы западным ценностям, западному образу жизни, всей западной цивилизации. Эта угроза сплачивает страны Севера (включая Россию), порождает силы, которые их соединяют больше, чем разъединяют. Новая ситуация способствует относительно мирной экспансии западной цивилизации, но в этом нет ничего плохого ни для Запада, ни для Востока. Мировые империи перестали существовать. Вопрос о зонах влияния переносится в экономическую и культурную плоскость, но не порождает проблем глобального военного противостояния..

2. Продолжается прежняя борьба за раздел и передел мира, за сферы влияния и Россия, вернувшись "В Европу", возвращается и к своей прежней политике поиска союзников среди западных стран, а стало быть и раскола их единства.

Первая точка зрения вдохновляет сторонников евроатлантизма в России.

Евгений Силин (директор-координатор Ассоциации Евро-Атлантического Сотрудничества со штаб-квартирой в Москве): "Евроатлантизм может рассматриваться как один из наиболее рациональных методологических подходов к решению наших современных проблем... Всестороннее общение, разного рода обмена и наличие густой сети, неформальных связей призваны закрепить... тенденцию сотрудничества российской и западной цивилизаций, к которому они возвращаются через десятилетия идеологической и военной конфронтации. Императивный фактор, действующий в пользу такого сотрудничества, состоит в том, что

и Запад, и Россия становятся объектами одних и тех же глобальных вызовов и - что самое главное - проявляют способность к более или менее близкому пониманию и поискам противодействия этим вызовам"²¹.

Но, пожалуй, громче в сегодняшней России звучат голоса критиков и противников евроатлантизма. С их точки зрения, Горбачев совершил "геополитическое предательство". Оно привело к замене биполярного мира однополярным, в котором безраздельно господствуют США, навязывающие всем свою волю.

"Элементы": "Идеи "перестройки", "нового мышления" и т.д. на геополитическом уровне означали полное принятие модели Единого Большого Пространства и сознательный переход от двуполярного мира к однополярному... Сегодня все более распространенным становится геополитический проект "мондиализма", смысл которого сводится к превращению всей поверхности земли в Единое Большое Пространство, управляемое из единого центра...". "Мондиалистский вариант Нового Мирового Порядка... предлагается всем народам земли как колониальный аналог либерально-рыночной американской модели". "Актуальная ситуация ставит перед каждым государством и каждым народом (и особенно перед государствами и народами, входившими ранее в геополитический блок, противоположный атлантическому Западу) насущную альтернативу - *либо интеграция в Единое Большое Пространство под руководством атлантистов, либо организация нового Большого Пространства, способного противостоять последней Сверхдержаве...* При этом никакого полного суверенитета для отдельного народа или государства не может быть ни в одном из двух случаев"²².

Таким образом, евроатлантистскому пути, т.е. сближению с Западом, на которое подтолкнули СССР горбачевские реформы и которого в целом придерживается правительство Ельцина, противопоставляется возврат к прежнему антиатлантистскому курсу, хотя, скорее всего, в новом варианте.

Конечно, есть сторонники и у прежнего его варианта - глобального противостояния "Западу" в качестве второго мирового полюса с продолжающейся борьбой за влияние на "Юге", может быть, по-прежнему под знаменами интернационализма, антиколониализма и т. п. Однако провал этой стратегии слишком очевиден, она дискредитирована, возврат к ней сейчас маловероятен.

Поэтому в стане антиатлантистов идут напряженные поиски новой стратегии, лучше отвечающей современным геополитическим реалиям. При этом в который раз подтверждается, что новое - это хорошо забытое старое. В центре внимания - вариант возвращения на "Запад" (или на "Север") с последующим его расколом, "похищение Европы" с продолжающейся борьбой за влияние на "Юге" (вариант Данилевского-Хаусхофера-Жириновского, но в более широких географических рамках). России, как в недавнем прошлом СССР, отводится роль главного форпоста против "атлантизма", "американизма", "мондиализма" и т. п. - теперь уже во главе всей Европы.

21. Е. Силин. Идея евроатлантистского сотрудничества в евроазиатской стране. Мировая экономика и международные отношения, 1993, 10, с. 46-47.

22. Геополитические проблемы ближнего зарубежья. Материал, подготовленный Центром специальных метастратегических исследований. Элементы, 1993, 3, с. 18.

Жириновский: "Мы с удовольствием станем частью общеевропейского дома, но дома большого, дома для всех - от Ла-Манша до Владивостока. Миттерановский вариант не пройдет. Нам не нужна куца Европа..."²³

"Элементы": "Геополитический выбор антимондиалистской альтернативы... должен... учитывать ключевую стратегическую и географическую функцию именно русских земель и русского народа... Коренные геополитические интересы русских и культурно, и религиозно, и экономически, и стратегически совпадают с перспективой альтернативного антимондиалистского и антиатлантического Большого Пространства. По этой причине национальные тенденции политической оппозиции внутри России с необходимостью будут солидарны со всеми антимондиалистскими проектами геополитической интеграции вне России"²⁴.

Материал для конструирования новой геополитической идеологии заимствуется из разных источников - от Данилевского и евразийцев до геополитиков Третьего Рейха и европейских "новых правых". Снова появился интерес к "великому проекту Хаусхофера", нашедшему воплощение в германо-советском пакте 1939 г. В ряде изданий популяризируются идеи Ж. Тириара, изложенные им, в частности, в книге "Евросоветская империя от Владивостока до Дублина":

"Элементы": "Для реализации идеи объединения Европы нужна помощь Советской армии"²⁵. "С геополитической точки зрения СССР является наследником Третьего рейха. Ему ничего другого не остается, как, двигаясь с востока на запад, выполнить то, что Третий рейх не сумел проделать, двигаясь с запада на восток"²⁶.

При этом, несмотря на подчеркивание единства будущей Европы в духе Тириара, идет поиск внутренней иерархии этой новой антиатлантической Европы намечаются линии и ее раскола. Европа, конечно, должна быть руководима Россией, но коль скоро она сейчас не вполне готова принять на себя это руководство, временно его можно доверить наиболее надежному союзнику - Германии.

"Элементы": "Россия как сердце Евразийского Острова, как Heartland, в актуальной геополитической ситуации лучше всех остальных регионов могла бы противостоять атлантической геополитике и быть центром альтернативного Большого Пространства. Но факт геополитического предательства ее руководства вынудил ее на время (надеемся, на короткое время) уйти с центральных ролей в геополитическом противостоянии"²⁷.

"Элементы": "Одной из возможных альтернатив нового Большого Пространства является Европа... Европейское Большое Пространство должно складываться вокруг самой континентальной из европейских держав - вокруг Германии, а еще точнее, вокруг Mitteleuropa... Геополитические интересы Германии традиционно были противоположны атлантистским тенденциям Запада... Сегодня идея европейской империи прямым образом связана с Германией и странами, входящими в зону германского влияния... Западные регионы СССР будут иметь

23. Жириновский В.Ф. Последний бросок на юг. М., 1993, с. 118.

24. Геополитические проблемы ближнего зарубежья..., с. 19-20.

25. Тезисы Жана Тириара. Элементы, 1993, 1, с. 8.

26. Там же, с. 5.

27. Геополитические проблемы ближнего зарубежья..., с. 19.

шанс стать восточными пограничными районами европейского Большого Пространства и смогут обладать некоторым подобием суверенитета... Европейская Империя сможет гарантировать этим регионам определенную культурную, лингвистическую и экономическую автономию и сберечь их от нивелирующей мондиалистской Системы, уничтожающей в либерально-рыночной плутократической структуре даже намеки на различие, автаркию и сохранение национальной идентичности"²⁸.

Используя употребленное в другом контексте выражение А. Зубова ("третий русский национализм"), можно говорить о поисках идеологии третьего - после царского и большевистского - русского империализма. Критиковать ее и просто и сложно (она примитивна, но именно потому очень доходчива). Однако еще труднее противопоставить кажущимся безумными идеям "третьего русского империализма" реалистическую альтернативу. Проатлантистская версия российского будущего заманчива, но не слишком ли она романтична и утопична? Евразийское "большое пространство", российская (советская) геополитическая ниша, существует. Кто займет эту нишу, если Россия утратит свою прежнюю имперскую роль? Есть ли необходимые исторические предпосылки для того, чтобы она и в самом деле стала частью единого "Севера"? Способен ли вообще "Север" быть единым? Может ли он быть неимпериалистическим?

От ответов на эти вопросы зависит судьба человечества.

28. Там же, с. 21.